

Г. КОГЕН

ПОЛЬСКИЙ ЕВРЕЙ

Еврей — это везде проблема. И чем больше он воспринимается как факт, тем больше он становится проблемой. Но польский еврей всегда был чем-то большим, чем просто теоретической проблемой для немецких евреев, для которых он всегда оставался чувствительным фактом, потому что он был постоянным объектом их социальной заботы и текущим счетом в бюджете общин. В то же время, однако, он оставался незаживающей раной для каждого человека, поскольку он не только требовал так называемого милосердия через подаяния, но и вызывал более глубокое сочувствие к невинному несчастью единоверца. Задолго до того, как Уайтчепел и Нью-Йорк были заселены ими, польско-еврейские странники обеспокоили особенно немецких евреев возможностью сохранения этого большого количества жизнеспособных, но находящихся под угрозой уничтожения людей. Очевидно, что забота о сохранении иудаизма при самой серьезной угрозе для этой большей части еврейства связывалась и с этой политической проблемой. Но даже и такая забота еще не все: у нас возникла более интимная проблема с этими людьми. Поскольку эти полукровки хотя, несомненно, были евреями телом и душой, но в то же время они были и поляками, и русскими. И поскольку они приехали в Германию из этих стран только в результате эмиграции и в своей народной идиоме с верностью еврейской родине хорошо сохранили немецкое лингвистическое наследие, они представляли, особенно при своем постоянном возвращении, еврейскую народную миграцию как на живой сцене перемен.

Но чему каждый из них мог научиться, и в какой степени этот личный опыт заменяет постоянно растущие расходы местных органов власти? Каждое утро пятницы моя благочестивая мать добавляла утреннее благословение к молитве, чтобы к Шабату такой польский странник (Ogach) мог появиться в качестве гостя. И когда этот странник в лохмотьях внезапно проявлял себя как ученый раввин, талмудические разговоры, которые мой благочестивый отец заводил с ним, сопровождали нашу субботнюю еду. Такой опыт, безусловно, был получен многими немецкими евреями в их детстве, и тем самым в нас глубоко укоренились истинные социальные чувства. Потому что бедность была для нас связана с духовным достоинством. Благотворительность считалась не жертвованием в пользу нуждающегося, а платой за духовное и моральное состояние. Больше не могло быть и речи о презрении или жалобах, но с силой пробудилось чувство к единоверцу, носившего корону Торы на своей голове. Так, этот от недели к неделе повторяющийся опыт стал не только источником еврейского энтузиазма, но и фундаментальной силой социального идеализма.

Однако в целом политическая обстановка в этих странах обострилась, даже в Галиции, но самым ужасным образом в — России. Тем не менее, во всех этих странах евреи подверглись национальной ассимиляции, которая уже давно проводилась в

Польше. Действительно, варшавский раввин Майзельс (см. прим. 1), не желая отказываться от своего национального иудаизма, в середине прошлого века с энтузиазмом представлял польскую идею (Polentum) в галицийском парламенте. А Россия известна огромным сочувствием еврейской молодежи к русской революции. Не без удивления мы были свидетелями этого русского патриотизма, тогда как еврейская интеллигенция могла бы признать огромную опасность в мистической литературе греческо-византийского православия. Эта литература, с ее художественной силой, безусловно, является источником панславизма и представляет собой человеческое, моральное оправдание бесчеловечности русского шовинизма в прямых и косвенных погромах.

Во всех этих зверствах, которые потрясали мир на протяжении многих десятилетий и которыми когда-то была возмущена Англия, во всех этих разорениях еврейский народ не был ни уничтожен, ни озлоблен. Тем не менее, как и все эти годы, из этого пылающего ада возникают новые духовные силы. Во всех областях знаний и исследований, в музыке и изобразительном искусстве, а также в промышленности и торговле польские евреи, наряду со своими русскими единоверцами, удивляют мир, хотя делают это тихо и сдержанно. Так как ни выскочка не гордится своим происхождением, если ему позволено наслаждаться благополучием Европы, ни Европа не почитает гетто как хлев с яслями, в котором некоторым явился герой духа. Но еврей, который любит своего единственного бога и в этой единственной драгоценности признает охранную грамоту своего вечного странствия, признает всей глубиной своего существа и поэтому любит всеми фибрами своей души — верный своей вере еврей удивляется: откуда взялась эта нескончаемая сила, проникающая в бедность, которая возникает из тяжелейшей жизненной нужды? Придала ли славянская поэзия, насколько она, возможно, очаровала разум еврея или силу духа и его рассуждение, которое при всей слабости воли нельзя отрицать русскому человеку, духу еврея такую энергию, что он не только конкурировал с этими народами в искусстве и науке, но и смог даже оплодотворить Запад своим своеобразием? В чем эта мощная жизненная сила находит свое объяснение, которое противоречит общему взаимодействию между благосостоянием и духовной культурой?

Мой опыт в моем родительском доме дает, как я понимаю, единственно правильный ответ на этот вопрос. Духовная энергия евреев имеет свой последний источник в литературных сокровищах еврейской религии. И чем больше еврейский род знаком с этими сокровищами, которые тысячелетиями оставались вечно молодыми, и чем больше еврей живо связан с этими его основными источниками, тем живее и всеобъемлюще становится его сила веры и через нее, и с ней его нравственное и эстетическое самочувствие для своего собственного права на жизнь и для исторического будущего религии единого Бога.

Но теперь из этой основной мысли возникло то следствие, в результате которого польско-русский еврей вдруг в совершенно новом смысле снова становится проблемой. Связь страдания и крепости, унижения и мученичества больше не образует никакой проблемы; она достаточно ясна из силы веры и знания религии. И то, что польский еврей сделал для всей науки и культуры, только этот источник или по преимуществу он, возник в глубочайшем чувстве. Но между тем возникла новая трудность, в результате которой он не только как еврей, но в особенности как польско-русский еврей, становится проблемой для еврейства и иудаизма вообще, и, следовательно, становится проблемой для общей культуры.

Говорят, что Плевел однажды ответил русскому еврею, который привел ему пример европейских евреев в их выгодном политическом положении: если бы у вас была мораль, а также религиозность европейских евреев, тогда мы могли бы иметь с вами дело совсем по-другому. Но задолго до того, как я услышал об этом предполагаемом заявлении Плевел, меня занимала та же самая мысль, на которую натолкнули меня многочисленные встречи с этими людьми. Мне часто приходилось осознавать, что духовный разлом раскалывает разум восточного еврея: между православием и религиозным равнодушием нет никакого посредничества. Один сионист ответил мне скептическим или сочувственным пожиманием плечами, когда я признался ему, что верю в Бога. И с ужасом я наблюдал на многих весьма благородных примерах, как из тамошнего православия, которое, все же, переплетено с раввинской ученостью, рождалась полная враждебность и поэтому отчужденность относительно еврейских идей и надежд. Поскольку культурно-историческая точка зрения склонна для всех ужасов истории находить оправдание, то я мог бы известный мне упрек части евреев в русском нигилизме перевести в их религиозный нигилизм, и таким образом было бы найдено объяснение непредсказуемым для политики пограммам.

Восточный еврей здесь, действительно, особая проблема. Поскольку если и для культурного еврея может иметь место тот разлом, то он все же в некоторой степени, смягчен полноценным религиозным либерализмом. Моисей Мендельсон не только научил нас немецкому языку и, таким образом, способствовал установлению родительских прав на немецкое гражданство, но и возвел в нашей религии бастион против агрессивной войны современной культуры. Все другие явления, которые, кажется, противоречат этому, опровергнуты тем историческим фактом, что в нашем предполагаемом неверии и фактическом освобождении от многих, но далеко не всех, ритуалов, именно мы, немецкие евреи, почти в одиночку, создали науку иудаизма. Это великое достижение духа Мендельсона и неопровержимое свидетельство его всемирно-исторического значения для сохранения иудаизма в целом. В этом творении нашей науки он стал еще одним Йохананом бен Заккаем (см. прим. 2). Ритуал, который в конечном итоге связан с жертвоприношением — мы не справляем его, но поскольку мы причастны к его смерти, мы тем не менее, продолжаем нашу религиозную жизнь и через откровение науки и из нашей религии доказываем, что мы по настоящему культурные люди.

Это великий пример, образцовое значение, которое представляет немецкий еврей для будущего иудаизма, и именно всемирного иудаизма в его религиозном развитии. Также и православию, каким бы благотворным оно ни было для всех нас, наш пример, и не только для его собственного развития, оказывает содействие. Мы высвобождаем у евреев со всей серьезностью и восторгом нашего единобожия достаточную жизненную силу для современной религиозности. Мы предоставляем это доказательство против всякого неверия и этического скептицизма, а также против испуганной веры христологии. И с помощью этой силы идей мы бросаем вызов и сопротивляемся всем соблазнам, недоразумениям и обманам, которые до сих пор распространяют свой яд. Мы смогли согласовать концепцию нашей истории, как продолжение нашего культа, с внутренними движущими силами нашей религиозной традиции, и в то же время с внутренними движущими силами общей культуры. Никто не может сомневаться в том, что наша свободная религиозность является основной силой наших культурных убеждений, а также нашей общей политики.

Это единство, которое, по большому счету, утверждает немецкий еврей, попало в руки восточному еврею, или, скорее, он еще не завоевал его. Эта идея привела меня в Россию два года назад, и правильность этой идеи подтверждает непосредственный, невероятно большой успех, который сопровождал меня во время моей лекционной поездки в Петербург, Москву, Ригу, Вильно и Варшаву во славу нашего дела и самих тех людей. В тех странах до сих пор живет старое уважение к науке, которая составляет фундаментальную силу еврейской сущности. Больше, чем где-либо еще — я выражаю это с грустью, больше, чем в моей собственной стране, меня знают там, даже в христианских научных кругах, не только благодаря моим религиозным сочинениям, но и моим философским произведениям. И с непосредственностью, которая отличает истинный интеллект, в моих многочасовых лекциях личные отношения между оратором и аудиторией были установлены мгновенно, и банкеты и продолжающиеся собрания укрепили и углубили это. За эти четыре недели мая 1914 г. я интенсивно пообщался с более чем тысячей этих людей и меня тешило не пустое тщеславие, но у меня было понимание и убеждение в возможности успеха того плана, из которого возникло желание и решимость предпринять это путешествие: постараться придать новый импульс обоснованию свободной, сильной религиозности, находящейся в соответствии с высоким уровнем культуры в тех странах, и, как их оплоту, способствовать созданию питомников для науки иудаизма. Истинная религиозность должна быть обусловлена культурным человеком через живую связь с религиозной наукой и религиозным образованием. Из этой связи социальный институт богослужения черпает и свое жизненное развитие, и свои реальные нормы.

Меня вдохновляет надежда на то, что я еще смогу продолжить и повторить прерванное тогда путешествие, как и планировалось. О старости разрешено говорить лично. Поэтому я могу сказать, что не желаю более счастливого завершения своей жизни, чем пребывание, хотя и временное, среди этих единоверцев, чью силу духа и разума, невозмутимость и стойкость в страдании, натуральность и приземленность уважать и любить должен каждый, у кого не притупилось чувство благородной естественности. И если мне не суждено будет в будущем лично принять участие в этой необходимой работе, я никоим образом не сомневаюсь в окончательном успехе этого мероприятия, которое не должно уйти с повестки дня. Недостаточно того, что многочисленные духовно-нравственные силы все еще находятся там в полной свежести. Это также должно заботить и тех, кто близок к закату, потому что они почти мертвы для этой вечной жизни. Колыбель европейского еврейства должна быть сохранена как таковая со всей силой и однозначностью. Только таким образом культурная власть евреев может активно поддерживаться и совершенствоваться для самих этих стран, их собственной культуры и политики.

Нам не очень хорошо известно, насколько велика социальная энергия местных евреев. Легко может возникнуть иллюзия, что евреи Западной Европы, поскольку они много в своем похвальном рвении делают для восточных евреев, делают для них все. Но кто посещал большие ремесленные и профессиональные учебные заведения во всех этих городах, одинаково восхищены социальной заботой этих людей, а также талантами еврейской молодежи в художественных ремеслах, в искусстве и науке. И с образцовыми детскими домами, как, например, возглавляемый с несказанной любовью доктором Гольдшмидтом (см. прим. 3) в Варшаве, который использует современные подходы, я познакомился не без глубоких эмоций. И поэтому следует восхи-

щаться различными ухищрениями в школах, с помощью которых пытались избежать произвола администрации.

С другой стороны, слыхом хорошо известно о российской молодежи, как она смело и жертвенно предпринимала политические и социальные усилия по воспитанию русского пролетариата.

Несмотря на все эти заявления о политической зрелости восточных евреев, не следует пренебрегать в политике моделью немецкого еврея. И здесь для всех евреев в Западной Европе немецкий иудаизм завоевал и утвердил идеальное первенство благодаря обоснованию науки иудаизма. Преимущественно в недрах специфической науки бурлят живые источники всех течений культуры внутри еврейства. Это также согласуется с историческими фактами о том, что истинно великие люди среди нас во всех областях духа внутренне связаны с еврейским знанием и жизнью и произрастают из них. Еврей везде остается евреем не ввиду еврейской национальности, а ввиду еврейской религиозности. Там, где она становится скучной, никакая истинная жизнь не может быть произведена для ее природы современным обаянием. Но еврейский разум, как и мораль евреев, коренится не только в Моисее, пророках и псалмах, но и в устном учении, в Талмуде и Мидраше и, наконец, в религиозных философах средневековья.

Восточный еврей был для нас проблемой в прежде всего для него неблагоприятном значении, потому что его живое культурное еврейство было поставлено под вопрос. Между тем, взгляд не только на его мученичество, но и на его социальную творческую силу в этом страдании должен был укрепить нас в той мысли, что в нем все еще много подлинного иудаизма. Поэтому мы не должны терять надежды в том, что он сам принесет нам спасение, если он мог бы сейчас, и даже если в будущем количестве, чем когда-либо, переехать на нашу территорию, покинутую им ранее. Своей сверхчеловеческой выносливостью, которую он испытал, он придаст новый импульс нашей идеальной морали, нашей жертвенной радости для выполнения сверхчувственных задач. С его острым умом и его естественными способностями ему вполне по силам подтолкнуть нас к духовной конкуренции и вдохновить на нее. Потому что у нас воздействие талмудической диалектики, к сожалению, уже ослабло. Но оно еще не потеряло свою свежесть там. И любой, кто слышал что-то о духовной природе Талмуда, поймет, какую внутреннюю ценность имеет пристрастие к гимнастике с цепочками мыслей не только для исследовательской работы, но и для дискуссии о жизненных изменениях. Наследуемое напряжение разбудит в нас соревновательность, и интеллектуальная природа еврея этим увеличением нас будет снова укреплена.

Все блага в культурной жизни основаны на взаимодействии. Следовательно, польский еврей должен не только учиться у нас немецкой науке и немецкому искусству, простоте, прямолинейности и строгой добросовестности, которые могут быть ослаблены уловками и интригами деспотизма и гонений: он должен также искренне сопереживать еврейской религиозности немецкого еврея, чтобы культивировать ее как для своей личной жизни, так и для жизни общины в своей самостоятельности и уникальности. Он должен научиться понимать, что истинная научная философия, которая терпит дилетантства воображения, но методично соединена с наукой, может оправдать веру в единого Бога. Эта вера, следовательно, является этическим знанием. Немецкая философия имеет для этого понятия выражение «разумная вера». И на этом этическом фундаменте религиозной морали должен быть основан государственный менталитет восточных евреев; из этого он должен также субъективно получить

свое гражданство. Вопреки не только Достоевскому, но и Толстому, без всякого намека на пантеизм, он должен в полной научной и однозначной форме высоко держать знамя единственного бога, интеллектуальную доктрину чистого монотеизма.

В такой идеализации я вижу будущее восточного иудаизма. Факультеты еврейской науки будут созданы на старых почтенных местах ешибы. Неиссякаема творческая сила еврейского духа и сердца. Евреи всех стран будут, как ранее для политической и социальной помощи, объединяться против преследования еврейского духа. И это будет наивысший триумф немецкого еврея, если он желает быть со своим отечеством, чтобы достичь этого истинного освобождения, этого внутреннего омоложения евреев Востока в постепенном прогрессе. Но что означала вся эта частичная эмансипация, которая имела место быть до сих пор. Ибо не только большее число людей, участвующих в этом освобождении, придают ему более высокое значение, но и завершение исторического значения всей еврейской эмансипации есть то, что должно достигнуть зрелости в самосознании еврея.

Если в городах и местечках Восточной Европы божественная служба больше не сопровождается драматизмом и жестикуляцией причитаний и стенаний, но проходит с лишенной современного чувства торжественностью объективно мыслимого культа религиозного сознания; если только идея добивается преимущества перед принуждением традиционного чувства с волшебством суеверия; и если, соответственно, в заботе о науке будет возрастать дух подлинной критики, так что обучение будет не просто молитве, но сомнениям и ошибкам, поскольку оно также с завидным упорством ищет научную истину: тогда только дом молитвы и дом науки объединятся в истинно культурное место. И идеализм укоренившегося мученичества, как и невозмутимость и озорство созданного из них юмора, а также неуничтожимого чувства жизни и мира этих еще простых и искренних людей будут благословением для евреев всего мира.

Их страдания стали для восточных евреев историческим преимуществом. Оно сохранило в них с их остроумием и юмором ту первоначальность, которая является видом автохтонности. Не следует презирать добродетель ассимиляции с ними. Но их культурная ценность обусловлена сопряжением с неизбывным остатком автохтонности. Если они останутся без этой связи, то, несомненно, падет тень на ассимиляцию. Изначальная сила автохтонности — это естественная, незаменимая мировая сила, которая входит во все народы, но тем не менее, способна сохранить свое наследие и собственность до тех пор, пока, как говорит еврей, не придет Мессия, или, как говорит этика, когда идея человечества приблизится к своему осуществлению.

Примечания

1. Майзельс Дов-Беруш (1798, Щекоцин, Польша — 1870, Варшава), раввин. Сын Ицхока М., раввина в Каменец-Подольске. В 1832–56 — раввин в Кракове. Принимал активное участие в общественной жизни города; в 1846 г. был избран городским сенатором; в 1848 г. был избран в первый австрийский рейхсрат. С 1856 г. — раввин Варшавы. Во время событий 1861 г. поддерживал поляков, за что был арестован и выслан из Царства Польского. В 1862 г. вернулся в Варшаву. Автор комментариев к книге Маймонида «Сефер га-Мицвот».

2. Йоханан бен Заккай (ум. ок. 80), ведущий фарисейский законоучитель 1 в. и глава палестинской еврейской общины после разрушения Храма римлянами. После падения Иерусалима основал академию в Ямнии. Деятельность Йоханана бен Заккая во многом способствовала сохранению иудаизма и всего еврейского народа после этой национальной катастрофы.

3. Ямнуш Комрчак (польск. *Janusz Korczak*; настоящее имя Эрш Хемнрик Гомльдшмит (польск. *Henryk Goldszmit*); 22 июля 1878 г., Варшава — 6 августа 1942 г., Треблинка) — выдающийся польский педагог, писатель, врач и общественный деятель. В 1911 г. Корчак основывает «Дом сирот» для еврейских детей в доме 92 на улице Крохмальной, которым руководил (с перерывом в 1914–18 гг.) до конца жизни.

Поступила в редакцию 01.04.2019 г. (№ 2322)